

5. *Житие преподобного Феодосия Печерского:* датирующие признаки

Действующим или усопшим игуменом печерским выступает Никон в Несторовом *Житии Феодосия*? Это вопрос, всё ещё требующий однозначного ответа. Исследователи, отодвигавшие составление *ЖФП* на время после 1088 г., понимали, что камнем преткновения был бы тут здравствующий по рубеж этого года Никон¹²⁹, поэтому и решили его загорбить, приписывая данный акт косвенным показаниям самого агиографа. Правильно подчёркивая мнение, что *ЖФП* принадлежит «ключевая роль в датировке литературного наследия Нестора»¹³⁰, на-иболее полно все эти мнимые показания изложил Ю. Артамонов. Рассмотрим его аргументы.

***

Уподобление Никона светилу было допустимо только после его смерти¹³¹. Основанием тут является ссылка на *ЖФП*: *И бе видети светила три суца в пещере разгоняюца тьму бесовскую молитвою и алканьем, меню же преподобнаго Антония и блаженааго Феодосия и великааго Никона* (Усп. сб.: 83, л. 33 в.). Нестор повествует тут о пещерной молитве *на злые духи* всех трёх в начальные (1050-е) годы существования Печерской обители. Он пишет об этом уже после смерти Антония и Феодосия (1073–1074 гг.), но это не доказательство, что и Никона нет уже в живых: Феодосий был пострижен, а затем *прият святааго и ангельскаго образа*, т. е. великую схиму, от Никоновой руки (Усп. сб.: 67 а^{15–20}). То есть сам Никон был уже схимником, и именно поэтому назван великим. С этим эпитетом он выступает в *ЖФП* на протяжении более трёх десятилетий 16 раз, тогда как Феодосий — 11 раз в пределах тех приблизительно пятнадцати лет, когда являлся посвящённым в схиму иеромонахом. Это удивляет исследователя, которому эпитет *великий* в этом смысле непонятен. Заметим, что по степени *преподобным* назван ещё не выдвигаемый в святые Антоний, а Феодосий — уже *блаженным*, что указывает на святость праведника, в данном

---

129 Ю.А. Артамонов, *ЖФП*: 253–254, 256: «Если бы Никон был жив во время написания Жития, то сообщил бы больше о св. Феодосии» — это не аргумент, а трафаретная мысль.

130 Л.В. Милов, Кто был автором Повести временных лет? // От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства. М. 1994: 46; Ю.А. Артамонов, *ЖФП*: 262.

131 Ю.А. Артамонов, *ЖФП*: 262, прим. 360. Победоносный бой с бесами касается первых лет Феодосия (1050-е годы) в Печерском монастыре, когда его наставниками стали аскет и пещерник Антоний и Никон как духовный отец (Усп. сб.: 83, л. 33 в). Именование тут Никона *великим* указывает на его великую схиму. Великими схимниками (ангельского образа) были Антоний и Никон, ибо только их Нестор определяет данным эпитетом.

случае пока непризнанную церковно¹³². Светилами же называли праведников, светоносных своею верою на словах и на деле, также при их жизни — как сияющим светом распространяющих духовный свет на своё окружение. Феодосий назван при жизни *блже бо по истине человек Божий, светило во всем мире видимое, сияше яко светило пресветло* в своём монастыре (Усп. сб., л. 42 а, 56 в⁶⁻¹⁰). Летописец, описав кончину Феодосия, сообщает, что Стефан возглавил монастырь *и блаженное стадо яже бе совокупил Феодоси такы черньце яко светила в Руси*, а затем, рассказав о четырёх иноках монастыря: Демьяне, Еремие, Матфее и Исаакие, и, не называя их ни преподобными, ни блаженными, заключает: *Таци ти быша черноризци Феодосьева иже сияють и по смерти яко светила*¹³³.

Указание на Успенский монастырь около Тмутаракани *иже и донныне есть* требовало истечения достаточно долгого времени, которое неместимо в пределах жизненного пути Никона, бывшего основателем и игуменом этого филиала Киево-Печерской обители¹³⁴.

Наречием *донныне* определяется расстояние во времени, часто значительное, но применялось оно и к небольшим временным отрезкам. Никон попал в Тмутаракань уже в самом начале 1060-х гг., после же смерти 3 февраля 1067 г. князя-изгоя Ростислава Владимировича город при посредничестве Никона просил черниговского князя Святослава Ярославича посадить на княжий стол в Тмутаракани своего сына Глеба. С 1083 по 1094 гг. Тмутаракань держал вернувшийся из изгнания в Византии Олег Святославич — при поддержке византийского императора Алексея Комнина и, по сути, являясь его наместником. В церковном отношении Тмутаракань входила в состав автокефального архиепископства, подведомственного непосредственно патриарху Константинополя. Некоторое время, совпадающее с держанием Олегом Тмутаракани, епископом был печерянин Николай, что не нарушало прямого подчинения этой епархии патриарху¹³⁵. После 1094 г., когда Олег вернулся в Чернигов, связи с Русью заглохли. Нестор-агиограф в 1080-е годы, и позднее, мог писать, что Тмутаракань

132 В полном соответствии с широким значением *μακάριος* (beatus) — уже почитаемый, заслуживший прославления, а иногда уже прославленный, святой. См.: Словарь ДРЯ, т. 1, М. 1988: 222–225.

133 ПСРЛ 1: 188, 198; 2: 179, 189. В обилии у Нестора-агиографа слов *свет*, *светлость*, *светило*, *светосияние*, *светильник* и производных для выражения духовного, внутреннего и внешнего *светохристианина* сказывается учение незаурядного интеллектуала и мистика, студита Симеона Нового Богослова (949–1022 гг.) о небесном озарении души верующего. Применяя эти слова, Нестор следует указаниям Симеона (а, казалось бы, что на Руси до XIV в. — исихазм — о Симеоне никто не слышал), что их соблюдение выражает и отражает истинное, подлинное религиозное переживание. В изучении творчества Симеона важное место занимают труды В. Кривошеина. Библиографию см.: Н.Г. Beck, Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich, München 1959: 584–587; J. Koder, Symeon Neos Theologos // Lexicon des Mittelalters, t. 8, 1997: 363–364.

134 Ю.А. Артамонов, ЖФП: 262.

135 Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae, ed. J. Darrouzès, Paris 1981: 80, 125, 294, 346, 352, 389; A. Poppe, Państwo i Kościół: 192–196; G.G. Litavrin, A propos de Tmutarakan' // Byzantion 35, 1965: 221–234; К.В. Бабаев, Монеты Тмутараканского княжества, М. 2009. Последние «русские» монеты чеканил Олег Святославич, что подтверждают и новейшие исследования В. Майко, Тмутаракань и Восточный Крым // Ruthenica, IX, 2010: 37–48.

ский монастырь *иже и доньне есть приклад имьи в сии Печерский монастырь* (Усп. л. 35 б^{20–32}), но такое утверждение более убедительно звучало до 1094 г., ибо после всякий след этой обители и её связи с Киево-Печерским монастырём простыл. Нестор в 1080-е годы имел полное основание писать об учреждённом Никоном ок. 1061 г. монастыре как о существующем доньне, но это отнюдь не может служить твёрдым аргументом для датировки *ЖФП*. Двадцати – двадцати пяти лет было достаточно, чтобы Нестор употребил *доньне*, но вероятность тут решающей быть не может. Этот костыльный в обоих случаях аргумент не выдерживает критики, и прибегать к нему не следует. Стоит обратить внимание на другое место в *ЖФП*: возвращающийся из Константинополя сухопутным путём и умерший в дороге игумен монастыря Св. Димитрия, бывший игумен печерский Варлаам, согласно своему желанию, был похоронен в монастыре *отца нашего Феодосия на десней стране цркве идеже и дане* [т. е. доньне] *есть гроб его* (Усп. л. 41 в^{1–3}). Это та самая деревянная церковь, построенная в 1062 г. (Усп. л. 37 б^{8–15}), которая просуществовала до 1096 г., когда 12 июня в пятницу половцы Боняка, ворвавшись в монастырь, *позгоше святыи дом Твои и монастырь матере Твоя* (ПСРЛ 1: 232). От пожара пострадали деревянные здания, в том числе и церковь, были также подожжены двери нового каменного собора. Именно тогда, тридцать четыре года спустя после строительства, сгорела церковь, в которой двадцатью семью годами ранее был похоронен игумен Варлаам. После разрушений 1096 г. Нестор не мог писать, что *в ветъшеи церкви по вся дни служба святая твориться за умирающую братью* (Усп. л. 66 б, в).

***

Стремясь угробить заодно с Никоном и Стефана, Ю. Артамонов решил, что «ко времени написания *ЖФП* Стефана уже вообще не было в живых... Нестор дважды именуется его преподобным, что было допустимо только после смерти иерарха».

Читателю и оппоненту становится неловко, ибо применение эпитета *преподобный* в известных нам памятниках касается не только покойных, но и живых праведников (см. выше прим. 11), ставших святыми, и тех монашествующих, образ жизни которых обращал на себя внимание верующих. Достаточно прочесть списки духовных лиц, присутствующих при перенесении мощей свв. Бориса и Глеба 20 мая 1072 г. и 2 мая 1115 г.¹³⁶

После устранения с поста игумена Стефана *...в монастыри блаженнаго Феодосия и с совета всех великааго Никона игумена себе поставиша, бе бо тъ по успении блаженнаго от места своего пришьл в монастырь тъ. Се же яко же мню по Божию изволению быти, того мню поставлению, яко же тому*

136 Ю.А. Артамонов, *ЖФП* 264; анонимное Сказание, Усп. сб. 62, 70, л. 20 в20–25: несущим раку св. Бориса князьям *предыдуцем преподобным чьрноризьцем съ свещами* (1072 г.); в 1115 г. аноним называет присутствующими поимённо шесть игуменов и *вся прочая преподобныя игумены* (л. 25 в10–18).

старейшую сущю всех. Се бо и блаженны отць наш Феодосии от того руку пострижения сподоби ся и прият святого и ангельскаго образа мьнишьскааго. То же многашьды окушааше ся враг, тако же паки темь съмятьше и на того крамолу възложити, но не възможе. Обаче уже мы многыми указании о семь створивъше повесть съде да ставим слово¹³⁷.

Содержание этой выдержки из ЖФП Ю. Артамонов определил как характеристику времени игуменства Никона, с заключением, что Нестор мог писать о победе Никона над «князем тьмы» только «после его смерти»¹³⁸. Однако дело в том, что содержание приведённого тут текста воспринято превратно. В результате смысл предложения (*То же многашьды... но не възможе*) искажён и ошибочно истолкован: то, что Нестор говорит о Феодосии — наш оппонент приписал Никону.

В переводе:

«Тот самый враг [т. е. сатана] многократно подобно тому пытался раз за разом, вызывая в нём душевное смятение, погрузить *того* в раздоры, но оказался не в силах».

Кто же этот (*темь, того*) тот? Для моего оппонента, вне всякого сомнения, — Никон, и не просто игумен Никон, а покойный игумен Никон. Желательный результат достигнут путём изъятия рассматриваемого предложения из его контекста.

Предлагаю рассматривать на его фоне обе возможности, учитывая и другую: *тот* — это Феодосий.

В первых предложениях предлагаемой Ю. Артамоновым «характеристики времени игуменства Никона» нет. Нестор сообщает лишь, что после устранения Стефана совещанием всех (печерян) избран был и поставлен игуменом великий (схимник), самый старший из них — Никон, вернувшийся в Киев (добавим: из дочернего монастыря в Тмутаракани). Затем Нестор высказывает своё мнение, что тут проявился Божий промысл, дважды отмечая, что таков его взгляд на поставление игуменом великого Никона. Вот и всё, что мы узнали тут о Никоне. Сказанное Нестором касается первых лет игуменства Никона, как и напоминание, что сам преподобный Феодосий был пострижен Никоном, который облачал будущего святого в ангельский образ мниший (великая схима). Тут Нестор просвещал младших печерян, как богоугоден избранный ими игумен.

137 ЖФП, Усп. сб.: 134, л. 67 а¹⁻³⁰, текст дан в упрощённой записи с одним исправлением: вместо нареч. *тоже* (в переводе: также) предлагаю видеть тут *то же* = *тъ же* = *тотъ же*, что проясняет фразу: То же... враг..., позволяя избежать Нестору назвать «этого врага» по имени, соотнося прямо с предшествующим поражением печерян: *враг иже и присно бореться с рабы божиши... се бо тако съмятение сотона створи в них* (т. е. среди печерских монахов) *яко же тем крамолу створившем Стефана от игуменства отставиша* (Усп. сб.: 133, л. 66 в). Характерно, что в студийских писаниях при упоминаниях о монастырских распрях враг (ἐχρός) — синоним злых, тёмных сил. Ср.: D. Krausmüller, *Abbots and Monks*: 271–274.

138 Ю.А. Артамонов (его же, ЖФП: 262–263) текст не переводит, лишь толкует. О выходках двух монахов против Никона упомянуто в статье 1074 г. *ПВЛ*. Но откуда Ю.А. Артамонову известно, что Никону «удалось преодолеть неоднократные возмущения братии» — это его тайна, ибо даже если приписать ему заслуги Феодосия, то Нестор об этом не пишет.

И ни слова о его преемниках: Иоанне и Феоктисте, а ведь оба отличились в закреплении святости Феодосия. Иоанн в 1091 г. провёл местную канонизацию, а Феоктист усердствовал в распространении почитания Феодосия на всю Русь. Их отсутствие в завершении *ЖФП* в то время, когда оба были ещё рядовыми иноками Печерской обители, понятно, но если бы это *житие* составлялось ок. 1108 г. совершенно непроницаемо. Так бывает, но тут предполагаемая загадка выступает пустым вымыслом.

А что сатана покушался сводить на беспутье печерян, можно было следить, не раз читая *ЖФП*. И ему это удавалось, о чём припомнил Нестор, осуждая изгнание Стефана и отмечая одолевавшего всегда бесовские силы — исповедника Феодосия. То, что этим победителем тут в словах Нестора является исключительно Феодосий, проистекает из следующего предложения, напоминающего, что *о семь*, что тут сказано, он повествовал поистине (обаче) многими доказательствами в составленном им *Житии*.

***

Автором *ЖФП* был Нестор-агиограф и, оставляя в стороне вопрос авторства летописных статей о Печерской обители в *ПВЛ*, нельзя пройти мимо того, что говорит он о себе, тем более, что в чтении о свв. Борисе и Глебе он краток, а в *ЖФП* — обстоятелен в этих данных. Возникает вопрос, содержит ли эта автобиография указания хронологического порядка, позволяющие заключить о времени составления им *ЖФП*?

Нестор был принят в монастырь игуменом Стефаном, т. е. не ранее второй половины 1074 г., и был им не только пострижен, но и *на дьяконьскыи сан от него изведен сын* (Усп. сб. 134, л. 67 б¹⁰⁻¹⁹). А поскольку Стефан игуменствовал не менее трёх, но и не более четырёх лет, так как был низложен крамольничавшими печерянами во второй половине 1077 г. либо в первой 1078 г., то из этого следует, что Стефан принял Нестора уже после отбытия последним не менее чем трёхлетнего послушничества в каком-то другом монастыре, когда почти сразу же *острижен быв и мьнишьскыя одежда съподоблен*. В дьяконы он мог быть свящён в возрасте не менее 25 лет и после как минимум трёхлетнего иночества. Итак, на дьяконстве, достигнутом на рубеже 1077–1078 гг., блестящее продвижение Нестора завершается. Священником он мог стать, имея полных 30 лет и пребывая в сане дьякона не менее пяти. Можно было бы предположить, что его повышение в сан пресвитера затормозила близость к устранённому со своего поста игумену Стефану. Хотя, учитывая всё то, что сказано Нестором о ставшем после Стефана игуменом великом Никоне, возникают труднопреодолимые сомнения, что Нестор, если он сочинял *ЖФП* ок. 1108 г., всё ещё оставался на протяжении трёх десятилетий в первой степени священства — даже если принять, что самоуничижительные слова *аз грешныи Нестор мьнии всех в манастыри блаженаго и отьца всех Феодосия* звучат перебором в устах почти шестидесятилетнего книжника и монаха. Тем более, что несколькими строками выше (Усп. сб.: 134, л. 67 б²⁻³) Нестор сообщает, что повествует то, что *оспыты-*

вая слышах от древньих мене отецъ бывъших в то время, т. е. расспрашивая, услышал от старших, чем он, современников Феодосия. Стараясь доказать свою гипотезу, Ю. Артамонов с натяжкой толкует *древньих*, забывая к тому упомянуть неразрывно с ним связанное местоимение *мене*.

Дважды Нестор подчёркивает *груб сии неразумный сии, груб сии и невеглас* при понимаемом смысле — «простолюдин я малосмышлёный»¹³⁹.

Присматриваясь к выражению Нестора *аз мьнии въсех в монастыри* маловероятно предположение, что он имел в виду незнатность своего происхождения в этом аристократическом монастыре. Нестор мог чувствовать себя почти простолюдином, но примером ему был *отець же нашъ Феодосии аще и старейшинство прим... съмеряше ся мьнии въсех ся творя и всемь служба* (Усп. сб.: 36 г^{1-2, 9-11}). В своих речевых оборотах Нестор часто метафоричен и основывать на этом выводы о времени составления текста затруднительно¹⁴⁰.

Смущает последовательное применение Нестором действительного причастия в чётком значении состояния либо действия. В последнем случае употреблено настоящее время: *на дьяконский сан... изведен сии* (а не *бых*), сохраняя относительное значение времени (в данном случае актуальность), т. е. понимаемо в том смысле, что Нестор, когда писал этот текст, продолжал быть дьяконом. Ибо он не пишет: *не сии достоин*, но: *не бых достоин* этого сана. Зато последовательно в актуальности самокритики своего состояния пишет: *груб сии множеством грехов наполнен сии*.

В *изведен сии* скорее звучит гордость относительно оказанной Нестору чести, нежели воспоминание о совершившемся давным-давно повышении. Абсолютной уверенности тут нет.

Сомнительным аргументом является ссылка в конце *ЖФП*, где Нестор пишет якобы о том, что дьяволу не удалось возложить на Никона крамолу, а так «можно было писать только после его смерти»¹⁴¹. Выходит, что завершая *ЖФП*, главное внимание агиограф уделяет не своему герою, а характеризует игуменство Никона. Исследователь толкует текст в духе укрепления своих доказательств, но ни себе, ни читателю не даёт его посильного перевода, оставляя эту задачу

139 *ЖФП*, Усп. сб.: 71, 125, 134–135 (лл. 26 а²⁹⁻³⁰, 36 г¹⁻¹¹, 61 а³⁰⁻³¹, 67 б). На 1107 г. Нестору было уже не менее 56, а, вероятно, ок. 60 лет, т. е. он находился в весьма преклонных, старческих, по меркам средневековья, годах. В этом возрасте и у монаха *мьнии въсех в монастыре*, высказанное в смысле положения, звучит претенциозно и более подходит к Нестору 35-летнему, каким он был ок. 1085 г. Но из слов самого Нестора следует, что Феодосий уже в сане игумена, т. е. лет сорока, а то и более, *мьнии всех ся творя* (Усп. сб.: 88, л. 36 г). Так что уверенности и тут быть не может. Но она пробивается при *от древньих мене отецъ*. Уже то, что Нестор говорил не о монашеской братии, а о *отцах* указывает на возрастной разрыв. По-видимому, этот момент кроется в данном случае в необычном употреблении *древньих* — кальки от гр. *archaios*. Почтенное *старци* имело иную коннотацию, а *старее мене* вело дряхлостью, тогда как *древньих* звучало уважительным архаизмом, одновременно отмечая мастиность свидетелей. А для Нестора-агиографа, не знавшего лично самого Феодосия, такими старшими, чем он, отцами были Никон (†1088 г.), Стефан (†1094 г.) и их ровесники.

140 Неправомерность предположений, что агиограф писал ок. 1108 г., а то и ок. 1115 г. тут проявляется весьма наглядно. Во всей же аргументации в пользу этих датировок таких натяжек немало.

141 Ю.А. Артамонов, *ЖФП*: 262–263.

оппоненту. Приходится принять вызов и предложить перевод, т. е. понимание текста, на суд филолога.

Подводя итог изложению жития и посмертных чудес св. Феодосия, Нестор вкратце характеризует судьбу монастыря в лицах его достойных продолжателей — более обстоятельно пишет о Стефане и вчетверо меньше о Никоне. Отсутствие упоминаний о третьем и четвертом преемниках-игуменах Иоанне и Феокисте позволяет предполагать, что Нестор не случайно останавливается на Никоне, по-видимому, всё ещё игуменствующем над печерянами. После изгнания Стефана, по общему соглашению, игуменом был избран великий Никон, так как он после кончины блаженного вернулся из Тмутаракани в монастырь. Согласно агиографу, это возвращение произошло по Божьему благоволению, дабы могло состояться его поставление в игумены, так как Никон был старейшим из всех печерян и даже «блаженный отец наш Феодосий» пострига в монахи и святого, ангельского облика иноческого удостоился из его рук.

Нестор в *ЖФП* сообщает (Усп. сб.: 134, 66 г¹⁵⁻³⁰), что бывший игумен Стефан *состави себе монастырь и церковь возгради... и бе по вся лета праздник творя светъл святеи Богородици месяца июля во ·ѿ· день*. В переводе: «И ежегодно праздновал во второй день июля», т. е. в праздник Богородицы Влахернской.

Следует согласиться с мнением, что распространённый оборот *бе творя* означает длящееся состояние или повторяющееся действие в прошлом, без отношения к моменту речи либо записи¹⁴². Не воюя с самим грамматическим явлением, нельзя не обратить внимания на семантику контекста, исходя раз из одной, раз — из другой датировки записи. Так как епископ Стефан умер 27 апреля 1094 г., а монастырь основал ок. 1078 г., каменную церковь Богородицы Влахернской строил в 1080-е годы, и был в ней похоронен, то выходит, что Нестор имел в виду празднование 2 июля в годы жизни епископа Стефана. Летописец, упоминая о Владимире Великом: *Бе бо любя дружину*, также имел в виду не покойного, а здравствующего князя. После кончины Стефана Нестор не интересовался судьбами его ктитореи. В 1096 г. деревянный монастырь сожгли половцы, а купол уцелевшего каменного храма достраивался в 1108 г. Монастырю покровительствовал князь Давид Игоревич, который был похоронен в этом же храме 29 мая 1112 г. В эти годы можно бы ожидать безымянного «праздник творяще». Проще, без всяких натяжек и более вероятно, что Нестор, который столько внимания уделяет в *ЖФП* Стефану как бывшему игумену, сообщил лишь о том, что уже будучи владимиристо-волинским епископом Стефан ежегодно справляет храмовой праздник Влахернской Богоматери на Клове близ Киева. Мы вправе полагать, что Нестор писал так ещё при жизни Стефана, после же его кончины в 1094 г. он не приписывал бы ему самого празднования, но в первую очередь его установление.

142 А.А. Гиппиус любезно указал мне на данный грамматический феномен и дискуссию по этому поводу между П.В. Петрухиным (*Древняя Русь* 2008, № 3: 52) и А.А. Пичхадзе. Говоря проще, Нестор мог так писать и в 1080-е, и ок. 1108 г. От привлечения этого оборота Нестора, как аргумента, при датировке *ЖФП* следует отказаться.

***

Признавая местную монастырскую канонизацию Феодосия состоявшейся 14 августа, следует согласиться, что подобное прославление исповедника требовало исключительного обоснования в виде жития, описывающего подвиги и чудеса преподобного игумена. Такое *житие* должно было быть представлено до 1091 г., но это ещё не значит, что нам известное и есть то сохранённое в записи *Успенского сборника*. Этот вопрос надлежит заново исследовать ввиду крайних расхождений. Сбежавший из дому от жены, вопреки воле отца, боярина Иоанна, ставший иноком Варлаам, назначенный Антонием Печерским наставником обители, *постави над пещерою малу церквицу въ имя святыя Богородица веля да ту братия собираются на божественное славословие*. Будучи игуменом, Варлаам *изведен бысть князем повелением* и назначен игуменом ктиореи князя Изяслава. Этот перевод случился в 1060–1061 гг., так как назначенный на его место игуменом Феодосий успел неподалёку от пещеры построить церковь и *келли многи*, переселив в 6570 г., т. е. в 1062 г., всех монахов из пещер.

Возвращаясь через Венгрию из своего второго паломничества в Константинополь, в пути Варлаам разболелся и умер в монастыре неподалёку от Владимира-Волынского, завещав *да dopravят тело его в монастырь святаго и блаженнаго отца нашего Феодосия*. Согласно своему желанию, Варлаам был похоронен в Феодосиевой обители *на десней стране церкви идеже и донныне есть гроб его*. Так как покойный игумен монастыря Св. Димитрия завещал передать приобретённые в Константинополе иконы и церковные сосуды не в княжий монастырь Св. Димитрия, а в свой давний Печерский, то можно полагать, что Варлаам скончался в дороге, когда Изяслав пребывал в своём первом шестимесячном изгнании в Польше (после 15 сентября 1068 г. — по апрель 1069 г.)¹⁴³.

Новое переселение монастыря состоялось после смерти Феодосия, когда игуменом был Стефан, а начатая ещё Феодосием каменная церковь была достроена (1077 г.) и *монастырь съгражден*. В старой обители осталось *малу братии имже дабы усыпаящую братию ту погребати*. Игумен Стефан установил *да в ветъсеи церкви по въся дъни служба святыя твориться за умирающую братию* (Усп. сб. 133: л. 66 б²⁸⁻³⁹). Именно в этом деревянном храме и был похоронен Варлаам.

20 июля 1096 г. в результате нападения половцев ветхая церковь вместе с остальной застройкой в первоначальном месте расположения монастыря над пещерами сгорела. 20 июля, в пятницу, после неудачной попытки ворваться в Киев половцы двинулись на монастырь, зажгли Стефанову обитель на Клове и

---

143 Варлаам явно чувствовал себя «добровольно вынужденным» быть игуменом ктиорского монастыря князя Изяслава (см. Усп. сб.: 83–88, 95, лл. 34 б, в, 35 г, 36 в, 41 б). Изяслав и отец Варлаама Иоанн, бывший у князя в *боярех*, совместно не смогли сломить его волю стать *воином Христовым*. По-видимому, Варлаам был воином князя, т. е. его дружинником, и, уйдя в монахи, ущемил этим права своего князя. Изяслав не забыл такого нарушения *ряда*, и годы спустя своим распоряжением назначил Варлаама игуменом собственного ктиорского монастыря Св. Димитрия. Это не было княжьем капризом, и Варлаам, хотя и недовольный таким «карьерным» продвижением, не решился *преступити ряда*.

Германечь. Ворвавшись в Печерский монастырь, начали его грабить, подожгли дом святыя Владычице нашея и придоша к церкви и зажгоша двери южные и северные, вломились в притвор у гроба Феодосиева, оскверниша и пожгоша святыи дом твои [Божий] и монастырь Матере Твоея... и убиша... от братья нашея несколько.

Дом в данном случае не монастырь вообще, не церковь (каменная), которая не была сожжена, а именно тот ветхий деревянный храм, поставленный Феодосием в 1062 г.

То, что Нестор писал *Житие Феодосия* до 1096 г., этой горестной для монастыря даты, свидетельствует его замечание в конце *Жития*: *Си же ведети есть якоже и донныне молитвами его вся умножаются ся в монастыри его. Се бо всем странам пограбленом от ратных, в монастыри Блаженааго боле умножаются ся молитвами отца нашего Феодосия* (Усп. сб.: 131, л. 65 а²⁻¹²). Хотя земля Русьская не раз подвергалась половецким набегам (1078, 1079, 1080, 1092, 1093, 1094 гг.), до 1096 г. степняки обходили Печерский монастырь стороной¹⁴⁴.

Нестор не был обязан писать о последовавших после кончины Феодосия событиях, но на касающихся заступничества и благотворительства преподобного, его почитании он сосредотачивает всё своё внимание. Какой смысл было ему умалчивать о столь важном событии для культа Феодосия, каковым являлось обретение и перенесение мощей угодника? Нестор сугубо подчеркнул исполнение воли умирающего: *о семь же молю вы [братья] и заклинаю да в ней же есмь одежи ныне в том да положите мя тако в пещере идеже постынья дни пребывах*. На то, что Нестор просто не знает о перенесении мощей Феодосия, указывает и тот факт, что, отмечая дар прозрения, агиограф не иллюстрирует его проречением Феодосиевым, что Мария, жена Яня, будет похоронена там же, где и Феодосий (в 1091 г.), т. е. в монастырском соборе (подробнее об этом см. выше).

Нестор-агиограф *Житие Феодосия Печерского* обязался писать *по ряду*, адресовал его братии печерской, будучи монахом в стенах этой обители: *еще о житии преподобного отца нашего Феодосия бывшего игумена монастыря сего*. Наконец, самоопределение агиографа: *аз грешный Нестор мьнии всех в монастыри* можно признать самоуничижительным, но и нельзя упускать того,

144 Более сложно раскрыть смысл упоминания агиографом грабежа *от ратных*. Он мог иметь в виду отряды Святославичей, пытавшихся в союзе с половцами и торками отвоевать свою черниговскую отчину, нападая и грабя Переяславщину и, вероятно, Поросье (1078–1080 гг.). Тогда проясняется и оборот *всем странам* (т. е. со всех сторон, вокруг). *ПСРЛ* 1: 200–204, 232–233; 2: 222–223. Усп. сб.: 133, л. 66 б. Ю.А. Артамонов, *ЖФП*: 274–275 о нападении Боняка пишет немало (о сожжении княжьего двора на Берестове, об эсхатологических настроениях в Киеве, о преследующем игумена Иоанна Святополке и т. д.), а главного свидетельства — о сожжении деревянного храма в Печерском монастыре — не замечает. Тут лучшим выходом стало умолчание, ибо перетолковывать летописное известие на иной лад оказалось затруднительным.

В Слове 33 Печерского патерика о монастырских (местных) святых Феодоре и Василии, составленном во второй половине XII в. и отражающем в предании некоторые события 1090-х годов, отмечена поставка по Днепру строевого леса для восстановления сожжённого монастыря — церкви Богородицы и монашеских келий. Так как каменный собор был лишь повреждён (подожжены входные двери), то имелась в виду деревянная церковь «ветхого» монастыря. См.: Кисво-Печерский патерик: 167, 169, прим. 174, 175.

что в среде подобных себе подвизающихся в исповедании веры не следовало преумаляться. Он имел в виду свой возраст и иноческий стаж, и в обоих случаях мог действительно чувствовать себя как *мний* среди дольше монашествующих, критически оценивая собственную персону: *груб сын, невеглас*. Но пока нет убедительной датировки написания *ЖФП*, не может быть определённого ответа. Если он появиться и будет близок к 1080-м годам, то и *мний* окажется понятным и подобающим монаху со стажем менее десяти лет. В диаконский сан Нестор был свящён ещё тем же, принявшим его, игуменом Стефаном. Чтобы быть рукоположенным в диаконы, следовало иметь как минимум полных 25 лет, пребывая в монашестве не менее 3 лет. Следовательно, Нестор вступил в Печерскую обитель не ранее середины 1074 г. и не позднее 1075 г., так как Стефан перестал игуменствовать к исходу 1077 — в начале 1078 г. Когда же Нестор писал *ЖФП*, то оставался в диаконах, что само собой разумеется в 1080-е годы, но вызывает недоумение четверть столетия спустя.

***

Предложены «три аргумента, высоце вероятные, а, может быть, безусловно надёжные», в пользу того, что Нестор писал *ЖФП* после кончины Никона в 1088 г.¹⁴⁵ Им уделяем наше внимание.

1. В канонизации Феодосия 14 августа 1091 г. важную роль сыграл бывший игумен Печерского монастыря (1074–1077/1078 гг.), затем ктитор и игумен Кловской обители, а потом поставленный епископом кафедры во Владимире-Волынском. Уклоняясь в данный момент от ссылок на упоминания о нём в *ЖФП*, пойдём за предположением, что первое упоминание о Стефане как епископе под 1091 г. и есть первое о нём свидетельство, совсем близкое времени его поставления, а, следовательно, и подтверждение того, что Нестор писал *ЖФП* не ранее, чем, приблизительно, 1091 г. Доказательством служит волшебный оборот *в се же время*, вырванный из контекста с утверждением, что Стефан *стал* епископом современно описываемым под 6599 г. событиям. Озадаченность не освобождает автора этих строк от серьёзной трактовки этого положения с привлечением контекста, позволяющего читателю следить смысл летописной записи. Когда копающим в Феодосиевой пещерке удалось наткнуться на его мощи и над монастырским собором появилась светлистая радуга, *в се же время виде Стефан иже бысть в него место игумен, в се же время бысть епископ, виде в*

145 О хронологии Несторова *ЖФП* см.: А. Timberlake, The Origin of Anonymous's Skazanie and Nestor's Chtenie o svv. Muchenikakh Borise i Glebe // Русский язык в научном освещении 2006: 185–188, где автор приходит к выводу: «We now have three arguments, highly probably if not absolutely certain». Тут следовало бы ожидать полемики с моими аргументами (А. Poppe, Chronologia: 292–297), выдвинутыми в поддержку тезиса А. Шахматова, но А. Тимберлейк зачислил мою уточняющую датировку не как результат источниковедческих разысканий, а как явное следование авторитету. См.: А. Timberlake, The Origin: 185, прим. 30. В игнорировании этой статьи проф. А. Тимберлейка оправдывают (в составленной им библиографии статья упоминается) затруднения с чтением на чужом для него языке, я же признателен, что избежал таким путём объяснений, что был неправильно понят.

своемь монастыри черес поле зарю велику над печерою, мнев яко несутъ Феодосия, бе бо ему възвещено преже днем едином. Вместе с игуменом кловским Климентом оба верхом направились в монастырь¹⁴⁶.

Автору летописной статьи важно было подчеркнуть, что небесное явление наблюдал также епископ Стефан, и он объясняет, кто это. Повторение в одном предложении *в се же время* указывает на одновременность появления радуги и открытия мощей, во втором же случае упомянут лишь факт, что в момент обоих названных событий, т. е. ранним утром 13 августа 6599 г., Стефан, являвшийся после Феодосия игуменом печерским, был уже епископом. Но этот оборот ничего не говорит и не подсказывает о том, когда он им стал.

Зато из списка литургисающих в Печерском соборе 14 августа архиереев следует, что Стефан назван вторым, т. е. по календарю хиротонии он был поставлен после Ефрема Переяславского (1077/1078 гг.), но перед Иоанном Черниговским (поставлен ок. 1087 г.) и епископом Марином Юрьевским, поставленным последним из названных, т. е., вероятно, не позднее августа 1089 г., ибо митрополит Иоанн Продром, освящавший Печерский собор, вскоре скончался. Вопрос о том, когда была учреждена волынская епископская кафедра, а, следовательно, и поставлен в её первые епископы Стефан, следует рассматривать в связи с церковно-политической ситуацией, так как учреждение кафедры зависело от решения митрополита и согласия князя киевского, а также желания удельного князя, участвующего в наставлении поставленного в кафедральном соборе своего стольного города. Гипотеза М. Присёлкова о том, что такая ситуация создалась лишь после гибели Ярополка Изяславича и вокняжения во Владимире-Волынском Давида Игоревича (ноябрь 1086 г.) маловероятна, учитывая политику Всеволода Ярославича по отношению к обоим Изяславичам с видами на киевский *отчий стол* после кончины их дяди, т. е. после 13 апреля 1093 г.¹⁴⁷

146 *ПСРЛ* 1: 210–211; 2: 202. Из предложенного толкования цитируемого тут текста (А. Timberlake, *Origins*: 186) получается, что Стефан стал епископом чуть ли не с момента, когда увидел радугу. Но чтобы быть рукоположенным в епископы необходим был митрополит, а летом 1091 г. Киевская кафедра уже вдовствовала. Поставление Стефана в епископы ок. 1091 г. предлагал уже М.Д. Присёлков, *Очерки*: 219, 281, но из его замечаний на с. 154–156 следует, что за учреждение Волынской кафедры мог радеть князь Давид Игоревич, посаженный во Владимире после смерти Ярополка 22 ноября 1086 г.

147 См.: А. Поппэ, Гертруда-Олисава, *русская княгини*: Пересмотр биографических данных // *Именослов* 2, 2007: 227–229. Владимиро-волынская кафедра была учреждена (1079–1085 гг.) митрополитом Иоанном Продромом по предложению Всеволода Ярославича, заинтересованного в удержании киевского стола, полагавшегося наследовавшему отцу (Изяслав умер в октябре 1078 г.) Ярополку. Его право на киевский стол находило явную поддержку Печерской обители, что следует из некролога погибшему в октябре 1086 г. и его демонстративных похорон в Киеве (*ПСРЛ* 1: 206–207). Предусмотрительно Святополк Изяславич был заранее переведён из Новгорода в Туров (1088 г.). Признавая его права на Киев, Всеволод имел основания опасаться, что Святополк, переняв киевский стол, готов удержать за собой Новгород. Об учреждении епископских кафедр во Владимире-Волынском и в Турове на Припяти см.: А. Порре, *Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku*, Warszawa 1968: 175–179, 184–187. Добавочные наблюдения в юбилейных статьях 1988 г. Критические замечания А.В. Назаренко, относящего учреждение кафедры во Владимире-Волынском ко времени Ярослава Мудрого см.: Его же, *Древняя Русь и славяне*, М. 2009: 172. Автор, вопреки Всеволоду, отказывает Ярополку в видах на Киев.

Упрекать А. Тимберлейка в ошибочности датировки поставления Стефана епископом владими́ро-во́лыньским никак нельзя. В поисках достоверного либо более вероятного решения исследователь имеет право ошибаться. В данном случае порочность аргумента следует из потребительского толкования однозначного первоисточника.

2. Сопоставление рассказов о видении иеромонаха Дамиана, уповающего на Царствие Небесное, в *ПВЛ* и *ЖФП* даёт основание утверждать, что последнее зависит от первого, составленного не ранее 1090-х годов¹⁴⁸. Точку зрения А. Тимберлейка, что Нестор свой обширный рассказ (ок. 1900 слов) вывел из краткого летописного (ок. 670 слов), трудно принять. И тот, и другой излагают на свой лад. Литературная манера, подбор лексики разные. При единстве темы видно, что оба автора — опытные книжники-агиографы. Ход мышления нашего современника помогает понять его заключение: он усматривает суть соотношения в том, что «если сам Дамиан понял, что ему предстало во сне откровение, то его запрос Феодосию становится нецелесообразным». Следовательно, Несторова версия неоригинальна, а зависит от рассказа в *ПВЛ*¹⁴⁹.

С точки зрения нашего времени такая нерассудительная реакция может показаться иррациональной. Но задача исследователя куда сложнее. Дамиан — строгий аскет — глубоко верующий, душевно переживающий свою жажду, мечту, и вот, видит, слышит в сновидении своего здравствующего ещё наставника Феодосия, сообщающего ему, что Господь *посла мя известити ти яко по прошению твоему будет ти и со святыми причътен будеши и с темь в цесарствии у небесного Владыки обьщъник будеши*. Дамиан *разумев яко явление от Бога есть*. И тут для рассуждающего рационалиста — грань целесообразности, но не для клокочущего пережитым, исполненного радостного веселья Дамиана. Он спешит поделиться со своим отцом духовным Феодосием, и хочет в порыве радости, в душевном подъёме от столь благой вести ещё раз услышать наяву то же из уст живого, беседующего с ним Феодосия: этот с улыбкой, мало прослезившись: *еи чадо будеть ти якоже ти ся обеща ангел явивъ ся в образе моемъ*¹⁵⁰.

148 *ПСРЛ* 1: 189 (под 1074 г.); Усп. сб.: 102–103, лл. 45 г² — 46 в¹⁰; А. Timberlake, *Origins*: 187.

Такая точка зрения не раз излагалась в зависимости от общей оценки летописного и житийного материала, но тут наше внимание привлекла своеобразность аргументации А. Тимберлейка. Нешаблонное решение на основании анализа языка обоих текстов о Дамиане предлагал В. Русинов, *Житие Феодосия*: 20–23 (см. выше прим. 82) считая, что автором обоих рассказов был Нестор-агиограф, а «по ряду соображений более вероятной представляется зависимость летописной статьи 1074 г. от жития Феодосия Печерского». На такую зависимость указывает и более обстоятельно изложенное само видение, занимающее в учении Симеона Нового Богослова узловое место. В *ЖФП* видения отмечаются не раз.

149 А. Timberlake, *Origins*: 187. Историк, а уж особенно медиевист, должен уделять внимание человеческой психике и не избегать психологии как вспомогательной дисциплины истории. История с иноком Дамианом, по-видимому, не является литературным вымыслом. Истязавшие себя (а ведь Дамиан морил себя голодом, сознательно ограничиваясь куском хлеба и водой) нередко переживают видения (достаточно почитать воспоминания тех, кто уже в XX в. голодал и умирал от голода), которые у глубоко верующих связаны с их душевной жизнью. Кроме того, видения могут вызываться расстройствами функции щитовидной железы.

150 Усп. сб.: 102–103, 46 а–б. А. Тимберлейк явно переусердствовал, желая приписать свой рационализм и целесообразность поведению Дамиана, обаянного мечтой найти в сонме святых.

О чём тут спорить? Искать в мистичном, чувственном и душевном переживании разумной обоснованности? У Нестора животрепещущий рассказ об иноке Дамиане позволяет нам лучше понимать духовную жизнь Печерской обители. Если это так, то агиограф Нестор ближе оригинала, а для исследователя это бесценный первоисточник.

3. Третий выдвинутый аргумент не нов: он касается *еже о житии преподобного отца нашего Феодосия бывша игумена монастыря сего святыя Владычице нашей Богородице егоже и день успение ныне празднующе память творим*¹⁵¹. Согласно А. Тимберлейку, памятование Феодосия можно было праздновать лишь после того, как в 1108 г. он был вписан в синодик.

Понятие *память творити* — растяжимое, её отмечали в церкви и вне её; ведь в годовщину смерти поминали память просто всех покойных, на что указывает материал, собранный в словарях¹⁵². Следует напомнить и замечание Е. Голубинского о том, как поминание в день успения со временем перерождалось в праздник памятования прославленных либо прославляемых святыми. Обязующий в Печерском монастыре Студийский устав прямо требовал *память творити умршая братия*, и был воплощаем печерянами на деле¹⁵³. Заметим, что Нестор тут не называет Феодосия святым, а просто преподобным, как при жизни. Да и вообще Нестор очень редко (раз три – четыре) превозносит Феодосия *святым*, что понятно, если он составлял *ЖФП* до канонизации в 1091 г. Запись указывает на богослужбное, а не трапезное поминовение в день успения Феодосия. Данный день, отмечаемый особым литургисанием, от года к году становился (*per viam cultus*) монастырским праздником ещё до прославления в 1091 г.

***

При канонизации князей Бориса и Глеба в Вышгороде в воскресенье 20 мая 1072 г. среди участников сразу за игуменом Феодосием назван игумен Выдубицкого монастыря архистратига Михаила — Софроний. Он упомянут Нестором в *ЖФП* в связи с его видением ночью светосияния над Печерским монастырём, где игуменствовал в то время Феодосий. А так как Софроний мог стать игуменом Выдубицкого монастыря, ктиторей Всеволода Ярославича по случаю рож-

151 Усп. сб.: 72 л. 26 б¹²⁻¹⁸. А. Timberlake, Origins: 187. Настораживает потребительское отношение к источникам, против чего не всегда мог устоять, следуя за А.Г. Кузьминым, Ю.А. Артамонов, *ЖФП*: 211, 241, 244, 258–259, 265.

152 Например, И.И. Срезневским в т. 6 Словаря ДРЯ XI–XIV вв., М. 2000: 347–348. См. анонимное *Сказание и ЖФП*, Усп. сб.: 65–66, 70, 93, лл. 20 в15, 22 г, 23 а, 39 г. Тут проф. А. Тимберлейка могло подвести слово *празднующе*, подчёркивающее исключительность отмечаемого годовины. Но она действительно таковой была, ибо почитание Феодосия и, тем паче, празднование годовины началось сразу после его кончины.

153 Нестор в *ЖФП*, пишет: *накы устави сии отец наш Стефан, да в ветъсеи церкви* (т. е. построенной в 1062 г.) *по вся дъни служба святая творить ся за умраюущую братию* (Усп. сб. 133, л. 66 б²⁸⁻³², в¹). Печерская обитель следует тут предписанию Студийского устава: см. А.М. Пентковский, Типикон: 418. *Поминати, память творити* — может относиться и к святым, и просто усопшим, и к светским поминкам, т. н. поминальная трапеза, см.: Словарь ДРЯ, т. 6, 2000: 348.

дения его сына Ростислава, в крещении Михаила, в 1070 г., то следует отнести видение Софрония ко времени после мая 1072 г. и до кончины Феодосия 3 мая 1074 г. В 1088 г., когда 8 ноября, в праздник архангела Михаила, был освящён каменный собор Выдубицкого монастыря, его игуменом являлся уже Лазарь — известный нам настоятель борисоглебского храма в Вышгороде, а с 12 ноября 1105 г. — епископ переяславский, почивший (в сентябре 1117 г.) в возрасте не менее 77 лет. Лазарь стал игуменом вместо Софрония в начале 1080-х годов, когда прервана была достройка каменного вышгородского храма, обрушившегося после падения купола. Киевский князь Всеволод сосредоточился на постройке собора в своём ктиторском монастыре на Выдубичах. Со смертью Софрония Всеволод предложил игуменство Лазарю, доверенному лицу и, быть может, духовнику князя, на что указывает поставление в игумены. Нестор упоминает Софрония действующим игуменом, но само свидетельство о видении производит впечатление приобретённого агиографом опосредованно, что ослабляет силу аргумента. Если независимо от этого показания раннее составление *ЖФП* закрепится, то его современность ещё игуменствующему Софронию, т. е. ближе к 1080 г., станет вполне достоверной.

***

Внимания заслуживает присутствие в наррации *ЖФП* пяти членов правящей династии, причём во всех случаях выступающих ситуационно в связи с труженичеством Феодосия. Названы три Ярославича: Изяслав, Святослав и Всеволод. В ходе усобицы *в трех князях братии сущем* в марте 1073 г. печерский игумен решительно выступил в защиту христолюбца Изяслава как законного князя киевского, отказался от приглашения на обед со Святославом и Всеволодом, определив его как «трапезу сатанинину», осудил занятие киевского стола Святославом как узурпацию, и, рискуя быть изгнанным, повелел в богослужебных ектеньях молиться о здравии законного князя киевского, запретив упоминать узурпатора¹⁵⁴. В этом обширно изложенном важнейшем эпизоде *Жития* Феодосий в своём общественном служении уподоблен великому Студиту. Печерянам стоило многих усилий, дабы примирить своего игумена со Святославом. 2 мая 1074 г. смиренный князь воздавал честь праведнику у его смертного одра, заслужив этим себе у Нестора эпитет *благоверного*, т. е. правоверного князя¹⁵⁵.

154 Усп. сб.: 120–124. Данные *Жития Феодосия Печерского* существенно дополняют летописную статью 1073 г. (*ПСРЛ* 1: 182–183), и хотя оба известия, составленные в Печерском монастыре, отрицательно оценивают изгнание Изяслава с киевского стола, в летописной статье поведение Всеволода находит оправдание в том, что Святослав *Всеволода бо прельсти глаголя яко Изяслав сватится с Всеславом мысля на наю*. Это смягчающее обвинение Всеволода обстоятельство появилось позднее и, пожалуй, в то самое время, когда летописец в статье 1054 г. сообщал, что покойный Ярослав любил сына Всеволода *паче всея братьи* (*ПСРЛ* 1: 161). Нестор-агиограф в своём описании событий 1073 г. более чётко, чем летописец.

155 Усп. сб.: 130, л. 64 в. То, что его сопровождал сын Глеб, сообщает лишь статья 6582 г. (*ПСРЛ* 1: 187–199).

Его сын Глеб упомянут в *Житии Феодосия Печерского* случайно, ибо великий Никон, участвуя в приглашении Глеба на тмутараканский стол в 1067 г., по дороге в Чернигов мог навестить игумена печерского, просившего Никона, *яко отца его себе имеешь*, дабы вернулся в Печерский монастырь. Нестор, не досказывая этим описанием встречи, давал понять, что Феодосий усматривал в Никоне своего преемника, что и случилось четырнадцать лет спустя¹⁵⁶.

С особенным почтением, четырнадцатикратно, с постоянным эпитетом *христоролюбца* упомянут в *ЖФП* Изяслав. Нарочитое подчёркивание преданности заветам Христа и благочестивости в отношении князя, погибшего в сражении 3 октября 1078 г., хорошо корреспондирует с некрологом в *ПВЛ*, где говорится, что Изяслав *за брата своего* [Всеволода] *положи главу свою, ... прольа кровь свою за брата своего, свершая заповедь Господню*¹⁵⁷. Тут кроется укор в адрес Всеволода, перенявшего после смерти брата всю власть на Руси вопреки соглашению о наследовании стола в Киеве Ярополком Изяславичем. И, к тому же, посадил сына Владимира в Чернигове, полагавшемся Святославичам.

Такая сосредоточенность на последствиях событий 1078 г. более понятна под пером Нестора, когда жил и при активном участии матери — княгини-вдовы Олисава — добивался своих прав на Киев Ярополк (†1086 г.), нежели (следуя Ю. Артамонову) того же Нестора запоздалые воспоминания в угоду Святополку в 1107–1108 гг., когда никто не подвергал сомнению прав князя на киевский стол.

Нельзя не отметить, что мать Ярополка и Святополка выступает в *ЖФП* дважды безымянно — как княгиня, супруга Изяслава. Впервые ок. 1055 г., когда по рекомендации Антония Печерского принимает в инокини своего ктиторского монастыря Св. Николая мать Феодосия Печерского. И второй раз — ок. 1060 г., когда Изяслав, недовольный уходом в Печерский монастырь одного из своих бояр, был готов разогнать печерян, княгиня, указывая мужу на печальные последствия гонений на монашествующих в Польше, примирила его с печерянами, у которых впоследствии покойный Изяслав именовался *христоролюбцем иже по истине Боголюбцем*¹⁵⁸. В то же время печеряне явно симпатизировали Ярополку

156 Усп. сб.: 96, л. 41 в¹⁸⁻³², г¹⁻³²; *ПСРЛ* 1: 166.

157 Усп. сб.: 83, 84, 93, 95, 105, 106, 120, 124; *ПСРЛ* 1: 204. Любопытно, что Изяслав в этом некрологе ни разу не назван христоролюбцем. Чувствуется отдалённость во времени, большая, чем в *Житии Феодосия Печерского*. См.: А. Поппэ, Гертруда-Олисава: 211, 215–217, 227–229.

158 *ПСРЛ* 1: 202–203, 206–207; Усп. сб.: 83, 84, 120, л. 33 б⁶, 33 г³², л. 58 а. Утрачен один лист, судя по Минеям Четым Макария и по Киево-Печерскому патерику, изд. Киев 1931: 32–34. Ю.А. Артамонов (*ЖФП*: 258–259, 272), вслед за А.Г. Кузьминым обосновывает позднюю датировку *Жития Феодосия Печерского* не ранее смерти Изяславовой княгини, матери Святополка (4 января 1108 г.), так как «сестра польского короля и католичка» никак не могла быть «покровительницей православного монастыря». Оба, увязнув в пересудах XVII в., не заметили, что входят в спор с Антонием и Феодосием Печерскими, не сомневающимися в христианском правовеии Изяславовой княгини. Гипотеза (2001 г.), что мать Святополка была наложницей (см.: А.В. Назаренко, Древняя Русь и славяне. М. 2009: 67) несостоятельна. Титул княгини доказывает, что мать Ярополка и Святополка была венчанной супругой князя и, к тому же, Гертруда-Олисава являлась единственной законной женой Изяслава. Установленное В.Л. Яниным тождество Гертруды с Олисавой нашло полное подтверждение. Внебрачные связи князей и равноправие потомства с законными сыновьями широко известны, однако сам конкубинат не влёт за собой права на сан княгини. Вывод прост, но вполне достаточен, разве что

как законному наследнику Изяслава, что видно из содержания его некролога в летописной статье 1086 г. Если датировка *Жития Феодосия Печерского*, на основании изложенных аргументов, остановится вне сомнений на отрезке времени после 1078 и до 1089 гг., то гибель Ярополка 22 ноября 1086 г. может быть признана как *terminus ante quem* составления *ЖФП*.

В этом же направлении идут наблюдения над присутствием в *Житии Феодосия Печерского* младшего из трех Ярославичей — Всеволода. В рассмотренных выше мартовских событиях 1073 г. Нестор-агиограф не называет его по имени, а отметив, что Феодосий отказался сесть с Всеволодом, как соучастником изгнания Изяслава, за один стол сообщает, что когда Святослав утвердился на столе брата своего в Киеве *другому же* [Всеволоду] *възвративъшю ся в область свою*, т. е. в Переяславль¹⁵⁹. Кроме этого, можно сказать, анонимного выступления, ясного в подробностях благодаря Печерской летописи (*ПВЛ*), поименно Всеволод выступает раз, и то вскользь, когда в монастыре не достало богослужебного вина: *...Се по проречению блаженнаго [Феодосия] привезоша три возы полныи суца кърчаг с виньмь, их же посла жена некая, иже бе предръжащи въся в дому благоверьнаго князя Всеволода*¹⁶⁰. Это могло случиться ок. 1070 г., когда Всеволод, князь переяславский, бывая в Киеве наездом, задерживался на своём выдубицком подворье, неподалёку от Печерского монастыря. Заметно тут желание отмежеваться, приписывая подношение не князю, а его мажордомше (несамостоятельной в своих решениях и дарениях). Удивляет точность и тонкость описания, подходящего ко времени после 1078 г., когда отношения между печерянами и Всеволодом, нарушившим права Ярополка, оставляли желать лучшего. Из княжествующих после 1086 г. Всеволод был единственным названным в *Житии Феодосия Печерского* оставшимся в живых князем, и к тому же обязанным печься о Печерской обители. Другое дело — в годы (1078–1089) митрополита Иоанна Продрома, благоволящего печерянам, споры с клиросом Софийского собора если и возникали, то легче улаживались. Если же исходить из гипотезы, что *ЖФП* составлялось на рубеже 1107–1108 гг., то аккуратность в записи о пожертвованном вине почти сорок лет спустя, пятнадцать — после смерти Всеволода (1093 г.), и при тёплых отношениях печерян с сыном Всеволода — Владимиром Мономахом, — лишена убедительности и даже похожа на намёк о скарденности самого Всеволода.

Итак, изложенные тут наблюдения явно отдают предпочтение ранней датировке, но мощью решительного заключения не обладают. Этой решительности не хватает многим описываемым агиографом случаям. Он не историк, удовлетворяющий запрос места и времени, но прославляющий вековечного праведника, труженика во Христе. Это видно и в завершении *Жития*, когда Нестор пишет

будут открыты первоисточники, указывающие на обратное. См.: А. Поппэ, Гертруда-Олисава: 205–229. В те самые годы золовку Гертруды-Олисавы — Анну Ярославну — папа Николай II пером кардинала Петра Дамиани восхвалял как христианнейшую королеву Франции за её деятельность во благо церкви.

159 Усп. сб.: 120–121, л. 58 а, б.

160 Усп. сб.: 110–111, л. 51 б, в.

о двух преемниках Феодосия: об игумене Стефане, дабы напомнить, что хотя Феодосий и назначил того своим продолжателем по просьбе монастырской братии, которая затем изгонит своего игумена, это поставление было оправдано, и об избрании в игумены Никона, желая отметить, что этот выбор Феодосий предвидел и одобрял уже в апреле 1074 г., временной же помехой в назнаменовании Никона являлось пребывание его в Тмутаракани. Лапидарность обоснования агиографом этого выбора подсказывает, что речь идёт об игуменствующем Никоне, а Феодосий из небесной выси печётся и молится за процветание Печерской обители.